

ВЗРОСЛЫЕ И СТАРИКИ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА «СКРИПКА РОТШИЛЬДА» И «ЧЕЛОВЕК В ФУТЛЯРЕ»

Ewa Borkowska
Polska, Siedlce, UPH WH
borkowskae@uph.edu.pl

Аннотация. Статья представляет способы умирания взрослых и старых людей в рассказах А. П. Чехова «Скрипка Ротшильда» и «Человек в футляре». Из проанализированного материала вытекает, что близость смерти для героев оказывается импульсом к переменам - изменением себя в лучшую сторону в «Скрипка Ротшильда», а сам момент смерти оказывается спасением от муки причиняемой самому себе в «Человеке в футляре».

Ключевые слова: Чехов, рассказ, смерть «Скрипка Ротшильда», «Человеке в футляре»

Adults and Elders in the Face of Death in Anton Chekhov's Short Stories "Rothschild's Violin" and "Man in a Case"

Ewa Borkowska
Poland, Siedlce, UPH WH
borkowskae@uph.edu.pl

Abstract. The article focuses on the ways adults and old people die in Chekhov's two short stories *Rothschild's Violin* and *Man in a Case*. On the basis of the analyzed material it has been concluded that the approach to death appears to be an impulse for change, i.e. becoming a better person (*Rothschild's Violin*), while the moment of death symbolizes salvation from self-imposed sufferings (*Man in a case*).

Keywords: Chekhov, stories, death, *Rothschild's Violin*, *Man in a Case*

Зрелость для человека – особое время, которое приходится на середину жизни, когда растёт страх перед смертью и несколько меняется взгляд на действительность. Взрослый человек осознаёт хрупкость жизни и её конечность, особенно в момент персонализации смерти [Mesjasz 2010: 115], когда прощается с близкими и думает о приближающейся смерти. К старости человек с особой силой осознаёт чувство неотвратимости этого явления, особенно, когда теряет контроль над своим телом, разумом, когда развиваются болезни, связанные с возрастом и он начинает зависеть от других.

Проблема смерти как взрослых, так и стариков часто затрагивается в рассказах Чехова и имеет свой источник в биографическом контексте. Очевидно, писатель, как врач, видел смерть своих пациентов, когда боролся с тифом, дифтерией и скарлатиной в имении Мелихово под Москвой.

В то время он зарегистрировал около пятисот пациентов, а на самом деле принял примерно тысячу больных [Зайцев 2000: 103].

Цель этого текста – рефлексия о представлении смерти в рассказах Чехова «Скрипка Ротшильда» и «Человек в футляре». Метод – филологическое чтение (анализ и интерпретация) и герменевтический поиск значений.

Принимая во внимание эти обстоятельства, нужно отметить, что рассказ «Скрипка Ротшильда» иронично, как бы намеренно противоречит массовой смертности пожилых и «долговечных» людей, которые «умирали так редко, что даже досадно» [Чехов 1985: 297]¹. Производство гробов не приносило больших доходов Якову Матвеевичу, хотя он был мастером своего дела. Герой произведения, материально заинтересованный, постоянно считал потери, вызванные не столько смертью людей, сколько застоем в работе. Успокоение приносили только скрипка и бессмертная музыка, которая объединяла враждующие народы (русских и евреев) [Катаев 1979: 222], и это, по мнению Катаева, главный смысл рассказа. Нельзя не согласиться с интерпретацией исследователя, но, кроме этого аспекта, очень интересными и достойными анализа являются мотивы, касающиеся процесса, ведущего к двойной смерти – сначала Марфы, а затем Якова (третья смерть только упоминается). Герои рассказа пятьдесят два года состояли в браке, но Яков никогда не принимал близко к сердцу проблемы жены, он даже ограничивал ее жизненные потребности, лишь бы сэкономить. Когда появились первые симптомы приближающейся смерти (тяжелое дыхание, жажда, отсутствие сил) женщины, Яков, как обычно, был занят подсчетом своих неполученных барышей. Чехов намеренно проводит контраст между ними, чтобы показать, до какой степени люди могут заниматься собой и материальной стороной жизни, не замечая других, которые находятся так близко. Концентрируясь на материальном достатке, герой рассказа становится рабом вещей (гробов и денег). Внезапный возглас Марфы «Я умираю!» (С. VIII, 299) можно понять по-разному: с одной стороны, как пробуждение сознания вместе с оживлением, которое появляется непосредственно перед смертью, а с другой стороны, как призыв, чтобы проявить интерес и, может быть, выразить удовлетворение – конец страданиям. Образ Марфы перед самой смертью Чехов описал с позиции Якова

Он оглянулся на жену. Лицо у нее было розовое от жара, необыкновенно ясное и радостное. Бронза, привыкший всегда видеть ее лицо бледным, робким и несчастным, теперь смутился. Похоже было на то, как будто она в самом деле умирала и была рада, что наконец уходит навеки из этой избы, от гробов, от Якова... И она глядела в потолок и шевелила губами, и выражение у нее было счастливое, точно она видела смерть, свою избавительницу, и шепталась с ней (С. VIII, 299)

¹ Антон П. Чехов, «Скрипка Ротшильда», в: «Полное издание сочинений и писем в тридцати томах», т. 8 «Сочинения (1887)», Москва 1985, с. 297. Произведения А.П. Чехова цитируются по: Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука 1974-1983. В круглых скобках указываются: С. - сочинения, П. - письма; римской цифрой - том, арабской - страницы.

И ещё один фрагмент, касающийся размышлений Якова о годах семейной жизни

Был уже рассвет, в окно видно было, как горела утренняя заря. Глядя на старуху, Яков почему-то вспомнил, что за всю жизнь он, кажется, ни разу не приласкал ее, не пожалел, ни разу не догадался купить ей платочек или принести со свадьбы чего-нибудь сладенького, а только кричал на нее, бранил за убытки, бросался на нее с кулаками; правда, он никогда не бил ее, но все-таки пугал, и она всякий раз цепенела от страха. Да, он не велел ей пить чай, потому что и без того расходы большие, и она пила только горячую воду. И он понял, отчего у нее теперь такое странное, радостное лицо, и ему стало жутко (С. VIII, 299).

Несомненно, оба фрагмента требуют дальнейшего комментария. В первом писатель образно представил умирающую с точки зрения обусловленностей бихевиоризма. Он сконцентрировался исключительно на её внешнем виде, избавляя читателя от внутренних размышлений женщины, которые бесполезно искать в рассказе. Но не они здесь самые главные. Мне кажется, важнее сделать акцент на размышлениях Якова во втором отрывке, которые вызвала близкая уже смерть. Герой рассказа осознаёт, что никогда не чувствовал жалости к своей жене, не ценил её, никогда не покупал ей подарки. Угрожал ей, отчитывал и даже не купил чай из-за своей скупости. Он смотрел на изменившееся лицо жены со страхом, который был результатом ожидаемого избавления от груза ничтожной жизни. Стоит сказать о роли света в рассказе. Вместе с сиянием утренней зари проявился, хоть на какое-то время, разум Якова, который, руководствуясь страхом и размышлениями, решает положить жену в больницу. Здесь Чехов представил ситуацию, достойную комментария. И хотя герой рассказа позаботился о больной жене, однако ценность жизни Марфы он неудачно сравнил с насекомым, которое тоже хочет жить. По крайней мере, таким образом добился от фельдшера-невежды лечебного предписания, когда тот хотел оставить старушку без внимания из-за её возраста. Кроме того, требовал для неё банки и пиявок, но и этого не получил. С иронией в голосе он отказался от предложения санитаря (который не верил, что женщина выздоровеет), так как его восприняли так же, как и он сам относился к своей жене, отказывая ей во всём. Какой из этого вывод? Подлость вернулась к Якову тогда, когда он ни на что не рассчитывал.

Во время чтения создаётся впечатление, что вся жизнь мастера проходила под знаком подсчётов и расчётов и, что за этим следует, – постоянного чувства потери. Его жена, стоя возле печки, интуитивно предчувствовала, что не может лечь, будучи больной, так как это тоже будет воспринято как потеря. Решение сбить гроб для жены на её глазах ещё перед смертью можно воспринимать как отсутствие чувства и ожидание кончины, а также как попытку опередить время, сберечь его в будущем. Конечно, гроб Марфы был оценен и записан, чтобы всё сходилось в расчётах. Герой рассказа до такой степени был сосредоточен на том, чтобы больше заработать, что вытер из памяти сцены жизни своей маленькой дочери, которая умерла еще в детском возрасте, но о которой перед смертью

вспоминала жена. Это можно понимать как результат изоляции от семейных дел и интерес только к материальным проблемам.

В контексте размышлений о поведении Якова неизбежен вопрос о способе представления смерти Марфы писателем. Автор показывает этот момент в типичной для себя форме. Он ограничивает описание несколькими действиями попо (причастие и соборование) и делает акцент на невразумительной речи женщины во время потери сознания как моменте, предвещающим кончину. Автор немного иронично описывает похороны Марфы, концентрируясь на максимальном ограничении расходов, благодаря участию самого Якова и знакомых, которые не хотели брать плату за последнюю услугу.

Приходил батюшка, приобщал и соборовал. Потом Марфа стала бормотать что-то непонятное и к утру скончалась. Старухи-соседки обмыли, одели и в гроб положили. Чтобы не платить лишнего дьячку, Яков сам читал псалтырь, и за могилку с него ничего не взяли, так как кладбищенский сторож был ему кум. Четыре мужика несли до кладбища гроб, но не за деньги, а из уважения. Шли за гробом старухи, нищие, двое юродивых, встречный народ набожно крестился... И Яков был очень доволен, что всё так честно, благопристойно и дешево и ни для кого не обидно. Прощаясь в последний раз с Марфой, он потрогал рукой гроб и подумал: "Хорошая работа!" (С. VIII, 301)

Они простились с Марфой от чистого сердца, не экономя своего времени, в отличие от Якова, который и тогда не упустил случая похвалить своё ремесло (гроб для жены, сделанный своими руками).

Нужно подчеркнуть, что сама смерть и время после похорон Марфы как физически, так и психически, тяжело отразились на Якове. И в этом нет ничего удивительного, так как он по привычке провёл с женой более полувека и только после смерти у него появилось время серьёзнее задуматься о своём отношении к ней. Угрызения совести, связанные с невежеством Марфы, которая всю свою жизнь подчинялась ему, снова овладели его разумом. Прогулку к реке можно воспринимать, как попытку освежить воспоминания молодости, а также осознать ценность уходящего времени. Но и там Яков не мог освободиться от мании пересчёта всего на прибыль. Герой рассказа осознаёт, что существование самой реки он тоже игнорировал, а ведь мог бы на ней зарабатывать. Его одолевает постоянное чувство потери: возможностей сколотить состояние, жизни, смысла, времени. Самоутверждение самого Якова рассказчик представил следующим образом.

Зачем люди делают всегда именно не то, что нужно? Зачем Яков всю свою жизнь бранился, рычал, бросался с кулаками, обижал свою жену и, спрашивается, для какой надобности давеча напугал и оскорбил жида? Зачем вообще люди мешают жить друг другу? Ведь от этого какие убытки! Какие страшные убытки! Если бы не было ненависти и злобы, люди имели бы друг от друга громадную пользу (С. VIII, 304).

Чисто материальный расчёт, видимый в предыдущих фрагментах, в этом эпизоде приобрёл экзистенциальный внутренний смысл. Поиск ответов

на трудные вопросы перед лицом смерти жены привёл Якова к важному заключению, которое герой рассказа не высказал напрямую. Самой большой бедой для человека являются последствия ненависти, злости и творимого зла, а пользой – взаимное добро. Такое мышление привело к изменению отношения Якова к еврею Ротшильду и желанию вознаградить за причинённые обиды, поскольку он не мог сделать этого для своей жены. Интенсивность предсмертных размышлений вызвала у мужчины галлюцинации, в которых все события перемешались. Он видел теперь то, чего раньше не замечал: и светловолосую дочь, и события последних дней (конфликт с Ротшильдом, теряющую здоровье жену). Яков, предчувствующий собственную смерть, не верил в эффективность медицинских предписаний и только в своей кончине видел пользу

Идя потом домой, он соображал, что от смерти будет одна только польза: не надо ни есть, ни пить, ни платить податей, ни обижать людей, а так как человек лежит в могилке не один год, а сотни, тысячи лет, то, если сосчитать, польза окажется громадная. От жизни человеку – убыток, а от смерти – польза. Это соображение, конечно, справедливо, но все-таки обидно и горько: зачем на свете такой странный порядок, что жизнь, которая дается человеку только один раз, проходит без пользы? (С. VIII, 304).

Перспектива экономить на основных жизненных функциях и неудачных отношениях между людьми искушала героя рассказа, находящегося в раздумьях, так как он считал жизнь одной большой потерей. В конце концов он пришел к горькому заключению, что жизнь ничего не стоит. Нужно подчеркнуть, что Яков не боялся своей смерти, не думал, как это будет происходить, когда приблизится его кончина. Поведение героя рассказа можно рассмотреть через призму заключения Макса Шелера, который заметил, что после древнего мира человек перестал бояться смерти, потому что им руководил импульс действия (работы) и приобретения, чтобы заглушить мысль о конечности [Scheler 1994: 95-96].

Мысли, что все и всё преходяще, привели Якова к скрипке, в которой видел последнюю надежду. Однако он не мог на ней играть, не было сил. Но когда брал инструмент в руки, им овладевала ещё большая печаль. Мысль передать скрипку Ротшильду оказалась самым лучшим решением. Её можно понять как возмещение ущерба за причинённое зло, единение перед лицом приближающейся смерти и веру в то, что только высшие ценности, такие, как музыка, имеют шанс на существование прежде всего.

О смерти Якова Чехов намеренно не информирует читателя. Известно только, что герой рассказа помирился с Богом и раскаялся за совершённые грехи в отношении Марфы и Ротшильда. Вопросы, связанные с физической стороной его смерти и погребальным обрядом, были здесь не самые главные. Речь шла скорее о показе психологии внутреннего мира Якова, перехода от чисто математических расчётов к размышлению над судными делами, которые важнее всех земных сокровищ этого мира.

В рассказе «Скрипка Ротшильда» смерть Марфы, а особенно перспектива собственной смерти становятся для Якова толчком к изменению

мышления, переломным моментом в развитии личности. Тягостные испытания способствовали духовному росту, который Якову раньше был не нужен. Перспектива завершения жизни изменила восприятие материальных вопросов, и самая ценная вещь – скрипка – могла попасть к достойному сейчас человеку.

Проблема смерти, хотя и не первого плана, показана также в саркастическом произведении «Человек в футляре» (1898), являющемся рассказом охотника (тоже учителя) о странном, чрезвычайно принципиальном учителе греческого языка, живущем в своей «упаковке». Нужно подчеркнуть, что смерть в этом случае является только композиционной рамкой текста, так как охотник Буркин начинает и заканчивает свой рассказ смертью Беликова, чтобы позднее оба собеседника могли задуматься над сущностью футляра в своей жизни. Чтобы лучше вникнуть в мотивацию учителя и факторы, ведущие к его смерти, нужно понаблюдать за действиями героя рассказа и отношениями, существующими между людьми.

Трусливый и пребывающий в стрессе Беликов был посмешищем всей школы, потому что всегда выглядел и вел себя одинаково. Невзирая на погоду, он всегда был в калошах и с зонтом, всё носил в чехле. Отгораживался воротником от окружающих его людей, которых воспринимал как угрозу, требующую немедленного протеста, даже ценой доноса властям. Кому-то грозил и поучал, считая себя человеком, живущим в соответствии с общепринятыми общественными нормами, продиктованными властями. Общество не выносило Беликова из-за чрезмерного рвения, в котором отсутствовала спонтанность хорошо понимаемого «отчаяния», и поэтому мужчина был одинок. От страха перед мнением других он закрылся в своей оболочке, которую Чехов назвал футляром. Попытку объяснить одиночество как возврат к первобытным инстинктам автор вложил в уста Буркина.

Людей, одиноких по натуре, которые, как рак-отшельник или улитка, стараются уйти в свою скорлупу, на этом свете не мало. Быть может, тут явление атавизма, возвращение к тому времени, когда предок человека не был еще общественным животным и жил одиноко в своей берлоге, а может быть, это просто одна из разновидностей человеческого характера, - кто знает? (С. X, 42).

Отношения, существующие между людьми, Беликов трактовал целенаправленно. Ни с кем искренне не дружил, потому что боялся близости и неконтролируемого поведения. Молчание, продолжающееся несколько часов, во время «дружеских» визитов, было корыстным, он как бы намеренно доискивался фальши в общении. Это следовало из того, что Беликов не хотел и не мог установить контакт. Его не любили, его боялись, а он не доверял даже слуге. Переломным моментом было желание Беликова жениться на Вареньке, остроумной учительнице, которая появилась в педагогическом коллективе. Это не имело смысла, как метко признал Буркин в своём рассказе, так как оно было вызвано скукой, отсутствием планов на собственную жизнь и желанием развлечься за чужой счёт. Хорошие

отношения пары испортил инцидент с велосипедом, «скандальным» транспортным средством, которого Беликов не выносил.

Остаётся спросить о причинах плохого самочувствия, которые явились предвестником его смерти. Можно указать на несколько равноценных поводов, связанных с маниакальным страхом перед настоящей жизнью. Без сомнения, это был стресс, связанный с неожиданным предложением женитьбы, пасквильная карикатура, оскорбляющая Беликова [Шмид 2006: 59] (по догадке, авторства Коваленко), инцидент с Коваленко (братом Варвары) и острый обмен мнениями, падение с лестницы и реакция Вареньки та эту ситуацию. Чувство обиды и компрометации привели к тому, что Беликов потерял желание жить, замкнулся в себе и месяц спустя умер. В этом месте нужно описать обстановку перед похоронами и привести необычайно ироничный комментарий сослуживца рассказчика

Через месяц Беликов умер. Хоронили мы его все, то есть обе гимназии и семинария. Теперь, когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, даже веселое, точно он был рад, что наконец его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет. Да, он достиг своего идеала! И как бы в честь его во время похорон была пасмурная, дождливая погода, и все мы были в калошах и с зонтами. Варенька тоже была на похоронах и, когда гроб опускали в могилу, всплакнула [...]. (С. X, 52)

Настроение толпы, присутствующей на похоронах, никоим образом не отражало правдивых чувств и эмоций, сопутствующих церемонии. Выражение лица Беликова, лежащего в гробу, было совершенно необычным, весёлым, что было понято иронично – как удовлетворение от завершения жизни «вечным футляром». Кроме того, погода в этот день тоже, как по иронии, соответствовала внешнему виду умершего. Из-за дождя были нужны калоши и зонтики. Никто, кроме Вареньки, не заплакал, она единственная наклонилась над Беликовым перед его последней дорогой, что также было воспринято несерьёзно. Необходимо рассмотреть ещё один фрагмент, касающийся общего настроения на похоронах и непосредственно после них

Признаюсь, хоронить таких людей, как Беликов, это большое удовольствие. Когда мы возвращались с кладбища, то у нас были скромные постные физиономии; никому не хотелось обнаружить этого чувства удовольствия, - чувства, похожего на то, какое мы испытывали давно-давно, еще в детстве, когда старшие уезжали из дому и мы бегали по саду час-другой, наслаждаясь полною свободой. Ах, свобода, свобода! Даже намек, даже слабая надежда на ее возможность дает душе крылья, не правда ли?

Вернулись мы с кладбища в добром расположении. Но прошло не больше недели, и жизнь потекла по-прежнему, такая же суровая, утомительная, бестолковая, жизнь, не запрещенная циркулярно, но и не разрешенная вполне; не стало лучше. И в самом деле, Беликова похоронили, а сколько еще таких человек в футляре осталось, сколько их еще будет! (С. X, 53)

Указанный отрывок показывает, какой большой проблемой был умерший при жизни, а его смерть принесла облегчение его сослуживцам и в душе они радовались, хотя никто не смел этого показать. Кроме того, маска, надетая ими, обнажила фальшивый облик, неискренний и – парадоксально

— полный видимости жизни, бездушных людей, для которых человеческая жизнь ничего не значит. Они никогда не задумывались над мотивацией поступков Беликова, не пытались понять его способ мышления, не заявляли о дружеской помощи. Желанная свобода после смерти «мучителя» оказалась только заблуждением, потому что в самом деле «не стало лучше» (там же, 53), ничего не изменило в отношениях, существующих между людьми в государстве, полном запретов и ограничений. Из всей массы людей, слепо преданных власти, наподобие Беликова, складывался механизм управления мышлением человека, и смерть одного прислужника никому не помогла. Уместный комментарий этой ситуации дал Эдуард Щербенко, который указал на применяемую Чеховым, а взятую у Гоголя стратегию смеха сквозь слёзы, а также другую точку зрения автора и рассказчика в отношении Беликова

Вот почему страшно, что умирает — человек (тут авторский взгляд отличается от позиции рассказчика, мимоходом замечаящего, что «хоронить таких людей... это большое удовольствие»).

И когда умирает, потрясенный, что стал посмешищем (вероятно, брат и сестра Коваленки — рецепция, условно, гоголевской смеховой стихии, с инверсией роли «панночки» как источника жизни — «новой Венеры» — отнять только калоши и зонтик; брату же принадлежит авторство карикатуры), то последняя сознательная мысль, что прикажут подать в отставку, — о том, что уменьшатся доходы или все-таки, что будешь отставлен от воспитания юношества и возможности исполнять гражданский долг? [Щербенко 2013: 102]

Учителя убило его чрезмерное усердие, с которым, в конце концов, он не мог справиться. Кроме того, излишняя приверженность к мнению других и постоянный самоконтроль привели к тому, что он жил под давлением соответствия идеальному работнику и гражданину.

В рассказе «Человек в футляре» Чехов затрагивает очень важную проблему ограничения гражданских свобод, догматичное исполнение которых закончилось смертью Беликова. Кроме того, он показывает, что жизнь под диктовку властей убивает радость отношений, существующих между людьми [Jędrzejkiwicz 2000], и ведет к одиночеству человека среди толпы.

Подытоживая размышления, можно сказать, что рассказ «Скрипка Ротшильда» рассматривает смерть как опыт, который изменил человека. Близость этого неизбежного явления показывает, что, в конце концов, он начинает замечать не только других, а также своё плохое поведение по отношению к ним. Из закоренелого материалиста Яков стал человеком, который пожелал отблагодарить их самым ценным. Он захотел оставить о себе хорошее воспоминание и, по крайней мере, таким способом вознаградить огорчения ещё живущих пострадавших.

Жизнь Беликова, «человека в футляре», была печальным ограничением самого себя и других, так как сфера его влияния была связана со

страхом и страданиями [Podsiad 1959: XV], которые впоследствии его замучили. Его жизненная концепция, наполненная постоянным страхом, оказалась поражением, хотя он пытался её изменить.

Литература

*

- Зайцев Б., «Первый год Мелихова», в: «Чехов». Москва 2000.
- Катаев В.Б.: «Проза Чехова: проблемы интерпретации». Москва 1979.
- Чехов А. П., «Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. » М.: Наука, 1974-1983; т. 8 «Сочинения (1887)», Москва 1985; т. 10, 1986.
- «Скрипка Ротшильда», в: «Полное издание сочинений и писем в тридцати томах», т. 8
- Шмид Х. «Вариации "Футлярного человека" в "Человеке в футляре" и "О вреде табака"», в: «Чеховские чтения в Оттаве. Сборник научных трудов», ред. Ю. Доманский, Д. Клейтон. Тверь-Оттава 2006.
- Щербенко Э. В.: «Маленькая трилогия»: опыт прочтения», в: А. П. Чехов: *пространство природы и культуры*, ред. Е.В. Липовенко, М.Ч. Ларионова, Л.А. Токмакова. Таганрог 2013.

**

- Jędrzejkiewicz A., *Opowiadania Antoniego Czechowa – studia nad porozumiewaniem się ludzi*, Warszawa 2000.
- Mesjasz J., *Lęk przed śmiercią a rozwój człowieka, w: Kłótwa czy dar przemijania? Studium z tanatopsychologii*, Warszawa 2010.
- Podsiad A., *Wstęp*, w: G. Marcell, *Homo viator*, tłum. P. Lubicz. Warszawa 1959.
- Scheler M., *Śmierć i dalsze życie*, w: *Cierpienie, śmierć, dalsze życie*, tłum. A. Węgrzecki, Warszawa 1994.

Эва Борковска – кандидат филологических наук, специальность литературоведение, магистр русской филологии. Преподаватель в Естественно-Гуманитарном Университете в городе Седльце.

Ewa Borkowska – holds a PhD in Polish Literature and M.A. in Russian Literature and Language. She is a lecturer at Siedlce University of Natural Sciences and Humanities.

Contact details / Dane kontaktowe:

Ewa Borkowska – Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 08-110 Siedlce, Konarskiego 2, 08-110 Siedlce. E-mail: borkowskae@uph.edu.pl.

